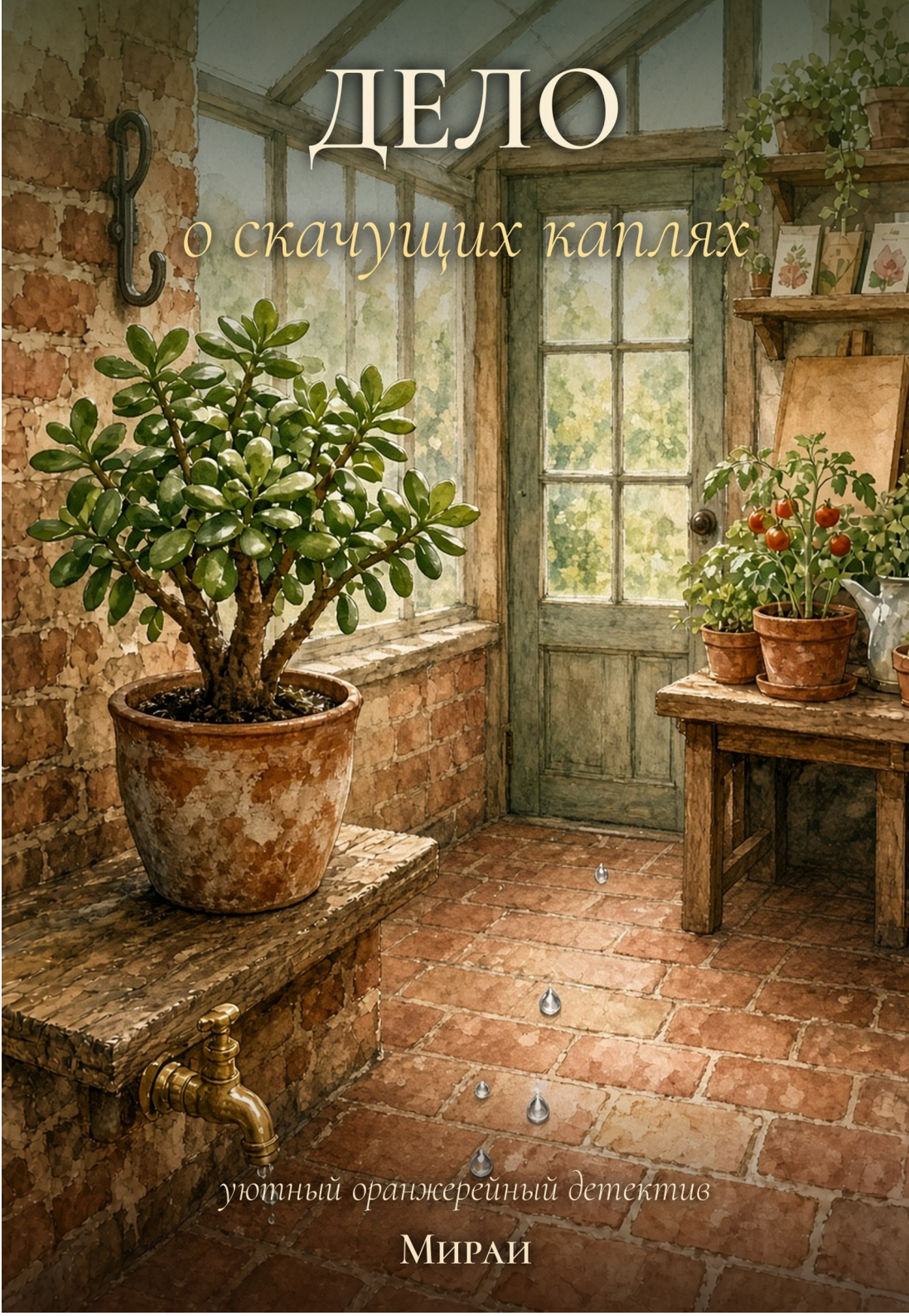

ДЕЛО
о скачущих каплях
уютный оранжерейный детектив
Мираи

ДЕЛО

о скачущих каплях

уютный оранжерейный детектив

✦

Красноярск · 2026

Содержание

Глава I. Пустой крючок

Глава II. Ложные следы

Глава III. Подсолнух на день рождения

Разгадка и улики — в конце книги.

Текст и иллюстрации — Мираи. Вычитано: повторы, имена, хронология, соответствие картинок сюжету.

Глава I

Пустой крючок

✦

Меня зовут Джаспер. Я толстянка, денежное дерево, мне тридцать один год, у меня двести двенадцать листьев, и я живу на восточном подоконнике оранжереи миссис Пембертон с тех самых пор, когда у помидоров ещё не было собственного мнения. Ходить я не умею, поэтому делаю лучшее, что остаётся: замечаю. А поскольку я суккулент, замечаю я терпеливо. Я могу три недели ждать глотка воды и столько же ждать, пока какая-нибудь мелочь наконец объяснит, зачем она случилась.

Оранжерея у нас старая, кирпичная, со стеклянной крышей в мелкую клетку. Утром солнце входит в неё через восточные стёкла — прямо ко мне, — а к вечеру переползает на западную стену, где кран и крючок. Пол выложен красным кирпичом, и каждая капля на нём блестит, как пуговица на пальто. Это важно. Запомните это так же, как запомнил я.

Жильцов у нас много, и у каждого свой характер. Рядом со мной, на том же подоконнике, живёт алоэ Агата. Она колючая снаружи и мягкая внутри, как многие пожилые дамы, и всё на свете считает сквозняком. Над рассадным столом висит в кашпо папоротник Седрик. Он молод, кудряв и вечно в обмороке: стоит воздуху стать чуть суше, и он роняет листочки с таким видом, будто его оскорбили. На южной полке теснятся герани. Их пятеро, они сёстры и всё делают хором: хором цветут, хором вянут, хором обсуждают соседей. Ни одна из них не умеет хранить секрет дольше, чем держится лепесток.

Говорить в человеческом смысле мы, конечно, не умеем. Но растения переговариваются по-своему: запахом, наклоном листа, тем, как сворачиваются усики. Новости у нас ходят медленно, зато точно. Если в оранжерее что-то случилось утром, к вечеру об этом знает даже кактус в самом дальнем горшке, а он у нас глуховат.

День у оранжереи устроен, как часы с кукушкой. В восемь приходит миссис Пембертон, открывает переднюю дверь и здоровается со всеми сразу. Потом она снимает с крючка лейку, наполняет её у крана и обходит нас по кругу, от меня к папоротнику, от папоротника к гераням, разговаривая с каждым. Со мной она говорит о погоде. С Агатой — о здоровье. С Седриком строго, как с внуком, который поздно пришёл домой. После полива она вешает лейку обратно, садится на перевёрнутое ведро и пьёт чай из термоса. Это её любимые десять минут за весь день: она сама так говорит.

Миссис Пембертон живёт одна в доме с зелёной дверью, по другую сторону сада. Оранжерею построил её муж, мистер Пембертон, когда они только поженились, кирпич за

кирпичом, по воскресеньям. Его самого я уже не застал таким, каким он был тогда, но помню его руки: большие, тёплые, пахнущие табаком и олифой. Это он когда-то пересадил меня из треснувшей чашки в мой нынешний горшок. Мистера Пембертона нет уже двенадцать лет. А его оранжерея стоит, и миссис Пембертон каждое утро открывает её так, будто он ждёт внутри.

Во вторник утром выяснилось, что Старый Медник исчез.

Старый Медник — это лейка миссис Пембертон. Она латунная, помятая на боку и полная достоинства. У неё длинный тонкий носик и одна-единственная ручка — высокая дуга, перекинутая через верх, как у корзинки. Ручка эта скрипит при каждом подъёме: длинное *и-и-и-орк*, которое я слышу дважды в день вот уже одиннадцать лет. Я узнал бы этот скрип среди тысячи других, как вы узнали бы голос старого друга в соседней комнате.

Живёт лейка на железном крючке у крана на западной стене. В восемь часов миссис Пембертон открыла переднюю дверь, сказала, как всегда, «Доброе утро, мои хорошие», потянулась к крючку — и ничего там не нашла.

Она постояла. Потом заглянула под рассадный стол. Потом за мешки с землёй, в угол с вёдрами, даже в бочку для дождевой воды, хотя лейка в бочке — это уже не пропажа, а чудо.

— Ох, бедная моя лейка, — сказала она наконец и так печально опустилась на перевёрнутое оцинкованное ведро, что у меня поникли три листа.

Миссис Пембертон завтра исполнялось семьдесят. Она не любит об этом говорить, но я видел, как она обводила дату

в календаре. И вот за день до праздника у неё пропала вещь, с которой она разговаривает чаще, чем с почтальоном.

Посидев немного, она поднялась и пошла искать по-настоящему. Обошла сад. Заглянула в сарай для инструментов, где хранятся грабли, тачка и сломанный шезлонг, который мистер Пембертон всё собирался починить. Проверила компостную кучу и крыльцо собственного дома. Вернулась в оранжерею и ещё раз, уже медленнее, осмотрела каждый угол, приподнимая мешковину и отодвигая горшки, будто лейка могла от неё спрятаться, как котёнок.

— Ты не подумай, — сказала она мне, остановившись у подоконника. — Это не просто лейка.

Я и не думал. Я знал историю Старого Медника не хуже её самой. Одиннадцать лет назад, в первую весну без мужа, миссис Пембертон поехала на ярмарку в соседний городок, хотя ей совсем не хотелось никуда ехать. Там, среди старых часов, медных кастрюль и фарфоровых собачек, она увидела эту лейку: помятую, потемневшую, с ценником, написанным мелом. Продавец сказал, что лейке лет сто и что из неё поливали розы в каком-то поместье. Скорее всего, он это выдумал. Но миссис Пембертон купила её, привезла домой, начистила до блеска и в тот же вечер полила всю оранжерею. Впервые за ту весну она тогда пела. Тихо, под нос, но пела. Я помню.

С тех пор Старый Медник стал чем-то вроде члена семьи. Миссис Пембертон с ним разговаривает. Когда у него отвалился носик, она сама отнесла его паять в мастерскую и ждала там два часа, не отходя от прилавка. Когда соседские

мальчишки однажды попросили лейку «для игры в пожарных», она дала им ведро.

— Семьдесят лет, — сказала миссис Пембертон, глядя на пустой крючок. — Ничего мне не нужно на день рождения, ни торта, ни подарков. Только бы она висела на месте.

Она вздохнула, полила нас из старого кухонного кувшина, который принесла из дома, и вышла. Кувшин лил неуклюже, широкой струёй, и Седрику досталось столько, что он оскорбился ещё сильнее обычного. Мне досталось чуть-чуть, и это было правильно: толстянкам много не надо.

✦ ✦ ✦

Тут я должен признаться. Пропажа не была для меня совсем уж громом среди ясного неба. Кое-что странное происходило в оранжерее уже несколько дней, и я, стыдно сказать, не придал этому значения.

В прошлую пятницу миссис Пембертон сняла лейку с крючка, удивлённо повертела её и сказала: «Надо же, мокрая. А я ведь вчера вечером вешала её сухой». В субботу она сказала то же самое, только уже без «надо же». В воскресенье просто пожала плечами: решила, что от старости стала забывать, когда поливала.

Я тогда подумал, что это роса. Латунь потеет по утрам, все это знают. Но роса не бывает внутри лейки. А на дне у Старого Медника по утрам плескалась вода — немного, на донышке, как бывает, когда лейку опустошили не до конца.

Значит, кто-то уже не первый день брал её до восьми утра — и возвращал. А сегодня не вернул.

Надо сказать, что у растения-сыщика есть свои преимущества. Нас никто не замечает. При нас говорят то, чего не сказали бы при собаке. Мы никуда не торопимся и поэтому видим то, что торопливые пропускают. Мы чувствуем, как меняется тень, как на пол ложится свет, как в воздухе становится больше или меньше воды. Каждая капля на кирпиче для меня — событие. Каждый звук шагов — подпись.

Но есть и недостатки. Я не могу подойти к уликам поближе. Не могу задать вопрос. Не могу подержать в руках лейку и проверить, тёплая ли она. Всё, что у меня есть, — это подоконник, двести двенадцать листьев и очень хорошая память. Поэтому я выработал три правила. Первое: смотри на всё, даже на скучное. Второе: ничего не придумывай. Третье: жди. Рано или поздно каждая вещь сама рассказывает о себе, если её не перебивать.

Агата рядом со мной зашевелилась, как будто прочла мои мысли.

«Опять ты за своё, — сказала она запахом, сухо и колюче. — Никто ничего не крал. Её взяли люди, а люди всё теряют. Через неделю найдётся в сарае».

Агата всегда говорит, что всё найдётся в сарае. Иногда она права. Но в сарай миссис Пембертон уже заглядывала, а Агата этого не видела, потому что повернулась к стене от сквозняка.

✦ ✦ ✦

Если уж быть честным до конца, а сыщик обязан быть честным хотя бы с самим собой, то странности той недели не

ограничивались мокрой лейкой. Были и другие мелочи, которые я тогда пропустил мимо листьев.

Барнаби, например, всю неделю приходил к нам не утром, как обычно, а после обеда. И приходил какой-то не такой. В четверг он зевнул так широко, что Седрик от неожиданности уронил лист. В пятницу у него на обеих коленках были пятна свежей земли, хотя миссис Пембертон в тот день ничего не пересаживала. В субботу он уснул прямо на скамейке, пока миссис Эшби рассказывала ему, чем ультрамарин отличается от кобальта, и проснулся, только когда Пуговица наступил ему на живот.

— Ты что, ночью не спишь? — спросила его миссис Пембертон.

— Сплю, — сказал Барнаби. — Просто рано встаю. У меня... дела.

И покраснел. А когда десятилетний мальчик краснеет на слове «дела», значит, дела эти совсем особенные.

В воскресенье он спросил у миссис Пембертон, сколько раз в день надо поливать то, что только что взошло. Она сказала: раз в день, утром, понемногу, и чтобы не на солнцепёке. Барнаби кивнул так серьёзно, будто записал это себе в голову чернилами, и тут же ускакал. Миссис Пембертон улыбнулась ему вслед и сказала мне: «Наверное, в школе задали опыт с фасолью». Я тоже тогда так подумал.

В понедельник Барнаби пришёл совсем ненадолго. Постоял у западной стены, посмотрел на Старого Медника, висевшего на крючке, и сказал ему вполголоса: «Ещё два дня, потерпи». Я решил, что ослышался. Люди часто разговаривают с вещами, а растения часто не понимают, о

чём. Но эту фразу я запомнил дословно, потому что запоминаю всё, что говорят рядом со мной, даже если не понимаю.

Обо всём этом я вспомнил только во вторник, глядя на пустой крючок. И мне стало неловко, как бывает неловко сыщику, который неделю смотрел прямо на улику и принимал её за обои.

Но тогда я ещё не знал, что всё это значит. Мелочи похожи на семена: пока они лежат в пакетике, невозможно угадать, что из них вырастет.

Сыщик, у которого есть странность, но нет подозреваемых, — просто растение с беспокойством. Мне нужны были подозреваемые. И я начал ждать, кто придёт.

Каждый день через оранжерею проходили трое. Не считая миссис Пембертон, кота и погоды.

Первый — **мистер Хиггс**, почтальон на пенсии из девятого дома. Он выращивает в дальнем углу призовые помидоры и говорит о них так, как другие говорят о внуках. Мистер Хиггс приходит в половине девятого, и его слышно ещё с дорожки: трость постукивает по кирпичам — *тук*, *шаг*, *тук*, *шаг*. Он ходит с тростью с тех пор, как поскользнулся на обледеневшем крыльце в позапрошлую зиму, и без неё не делает ни шагу.

Во вторник он пришёл ровно в половине девятого. Миссис Пембертон всё ещё сидела на ведре.

— Пропала? — переспросил он и снял фуражку, как на похоронах. — Ну, это не я. Хотя, признаюсь, моя течёт как решето, и я этой лейке уже много лет завидую.

Именно такое подозреваемый говорит прямо перед тем, как сыщик записывает его имя. Карандаша у меня нет, поэтому я записал его в соке.

Вторая — **миссис Эшби**, художница. Она ставит мольберт у рассадного стола, потому что, по её словам, свет там добрый. Её деревянные сабо стучат по кирпичам *клак*, *клак*, *клак* — ровно, как часы на каминной полке. Приходит она в девять, пишет до обеда, а потом долго моет кисти и вздыхает над тем, что получилось.

Миссис Эшби пишет акварелью, а акварели нужна вода. Во вторник она пришла, как всегда, со своей банкой из-под вишнёвого варенья, набрала воды из-под крана и, услышав новость, фыркнула:

— Я бы никогда не поднесла латунный носик к своим кистям. От него синий становится зелёным. Это все художники знают.

Миссис Пембертон сказала, что и не думала её подозревать. Миссис Эшби сказала, что и не думала, что её подозревают. Обе помолчали. Так в оранжерее начинается настоящая тревога: когда все вдруг становятся очень вежливыми.

Третий — **Барнаби**, десяти лет, из дома за сараем для рассады. Барнаби никогда не ходит пешком. Он передвигается так: *прыг*, *прыг*, СКОК — два коротких прыжка и один длинный, по садовым камням, по кирпичам, по ступенькам, хоть в доме, хоть на улице. Миссис Пембертон говорит, что он прыгал так ещё в коляске, просто коляска не давала развернуться.

Барнаби навещает нас, как погода: постоянно и громко. Он рассказывает помидорам анекдоты, спрашивает миссис Эшби, почему у неё небо зелёное, и каждый раз здоровается со мной за лист. Но во вторник утром он не пришёл вовсе. Ни в восемь, ни в девять, ни в десять.

И это уже само по себе было подозрительно.

Миссис Пембертон тоже это заметила. В половине одиннадцатого она сказала, ни к кому особенно не обращаясь:

— А где же наш прыгун? Он бы мигом всё обыскал.

Она накинула шаль, вышла через заднюю дверь и пошла по тропинке мимо сарая для рассады к дому Барнаби. Мне было видно её сиреневую шаль между кустами смородины. Она постучала. Подождала. Постучала ещё раз. Дверь не открылась, окна стояли тёмные, а у калитки не было маминой машины, которая обычно там ночует.

— Уехали куда-то с утра, — сказала миссис Пембертон, вернувшись. — Ну и ладно. Вечером спрошу.

Она сказала это спокойно, но я заметил, как она задержалась у задней двери и посмотрела на тропинку чуть дольше, чем нужно. Герани на южной полке зашептались. К обеду по всей оранжерее уже ползли слухи: Барнаби уехал с лейкой в далёкие края, Барнаби открыл свою оранжерею, Барнаби продал Старого Медника цыганам. Герани любят, чтобы история была большой. Я в слухах не участвую. Я отметил три вещи: Барнаби не пришёл впервые за всё лето, дома у него никого нет, и уехали они рано утром.

✦ ✦ ✦

Был ещё четвёртый посетитель, о котором я обязан упомянуть ради честности расследования. **Пуговица** — рыжий кот из седьмого дома, соседа мистера Хиггса. Пуговица входит в оранжерею через форточку над задней дверью, спит в ящике с торфом и считает, что всё, что стоит на краю стола, стоит там неправильно.

— Это он, — мрачно сказала миссис Эшби, когда Пуговица в половине десятого спрыгнул с форточки. — Он у меня в прошлом месяце утащил целый тюбик ультрамарина.

— Тюбик — это одно, — заметил мистер Хиггс. — А лейка весит больше самого кота. Да ещё с водой.

Пуговица посмотрел на них обоих с бесконечным презрением и улёгся спать в торф. Я был склонен согласиться с мистером Хиггсом. Кроме того, Пуговица ненавидит воду так, как только кот может ненавидеть воду. Он обходит даже лужицу под краном. Чтобы он добровольно

унёс полную лейку — нет. Это был бы уже не кот, а совсем другой зверь.

Итак, у меня было три подозреваемых человека, один подозреваемый кот и пустой крючок на западной стене.

Глава II

Ложные следы

✦

Подозрения в оранжерее растут быстрее сорняков. К десяти часам миссис Пембертон уже трижды украдкой взглянула в дальний угол, где мистер Хиггс поливал свои помидоры.

Помидоры у мистера Хиггса действительно призовые. Прошлым летом он получил за них синюю ленту на ярмарке, и лента до сих пор висит на гвоздике над грядкой, слегка выгоревшая. Каждый куст подвязан к колышку мягкой тряпочкой, у каждого есть имя. Самый большой зовут Генерал.

Мистер Хиггс тридцать восемь лет разносил по нашей улице письма. Он знает, кто в каком доме живёт, у кого какая собака, кто выписывает журнал о пчёлах, а кто тайком получает посылки с леденцами от врача-диетолога. Выйдя на пенсию, он не перестал всё знать. Он просто перестал носить сумку.

Поэтому, отставив лейку, он первым делом принялся рассуждать, как настоящий почтальон.

— Лейка — вещь заметная, — сказал он, загибая пальцы. — Через калитку её не пронесёшь, мимо вашего окна, Маргарет, тем более. Значит, уносили через заднюю дверь. А за задней дверью у нас кто? Сарай для рассады, тропинка, смородина и дом Барнаби. Дальше пустырь.

— Не говорите глупостей, Артур, — сказала миссис Эшби из-за мольберта. — Мальчик тут ни при чём. Он бы скорее сам себя унёс, чем чужую вещь.

— А я и не говорю, что при чём. Я говорю, куда ведёт дорога.

— Кот, — сказала миссис Эшби. — Я по-прежнему думаю, что кот.

— Кот лейку не унесёт, Элинор. Я тридцать восемь лет ходил мимо котов. Они уносят сосиски, перчатки и однажды — вставную челюсть мистера Добсона. Но не лейки.

Миссис Эшби поджала губы и сделала на холсте такой мазок, что Генерал на картине стал похож на свёклу. Они спорили так уже много лет, об обрезке роз, о погоде, о том, как правильно заваривать чай, и, по-моему, оба получали от этого огромное удовольствие. Миссис Пембертон говорит, что если однажды они перестанут спорить, значит, кто-то из них заболел.

Поливал он их из собственной лейки — старой, жестяной, серой, с вмятиной у носика. Лейка у него и правда текла: в дне была дырочка размером с булавочную головку, и, пока он шёл от крана к грядке, за ним тянулась тонкая непрерывная ниточка капель. Капля, капля, капля, капля — на равном

расстоянии, ровненько, как бусы на нитке. Мистер Хиггс ходит медленно, и капли успевают падать часто.

— Вот, видите, — сказал он, заметив взгляд миссис Пембертон. — Шесть лет собираюсь запаять. Зачем бы мне ваша, когда у меня своя есть? Плохая, но своя.

— Я ничего такого и не думала, Артур, — сказала миссис Пембертон.

— Думали, — сказал мистер Хиггс без обиды. — Я бы на вашем месте тоже думал. Я ведь говорил, что завидую.

Он вздохнул, оперся на трость и добавил то, что заставило меня насторожиться:

— Но знаете, что странно? Земля у Генерала сегодня была влажная, когда я пришёл. А я поливал его вчера вечером совсем чуть-чуть. Будто кто-то полил за меня.

Миссис Пембертон подняла брови. Миссис Эшби отложила кисть. Даже Пуговица в торфе приоткрыл один глаз.

Вот это был поворот. Если кто-то утром поливал помидоры мистера Хиггса, то, может быть, этот кто-то и брал лейку? А может быть, сам мистер Хиггс поливал их на рассвете — и теперь делал вид, что удивлён?

Я обдумал это так, как толстянки обдумывают всё: долго, всеми листьями сразу.

Во-первых, на рассвете я не слышал трости. Я слышал скрип крана и долгое *и-и-и-орк* — а вот *тук*, *шаг*, *тук*, *шаг* не было. Мистер Хиггс без трости не ходит; это знает вся улица.

Во-вторых, я посмотрел на пол. Дорожка капель от его дырявой лейки — та, которую он только что оставил, — была

непрерывной ниточкой. А другие капли, утренние, которые я видел на кирпичах до восьми часов, были совсем другими. О них я расскажу чуть позже, потому что для этого нужно, чтобы солнце поднялось повыше.

В-третьих, земля у Генерала была влажной вовсе не от лейки. Откуда взялась эта влага, я знал точно, но объясню чуть позже, когда до этого дойдёт очередь.

Так что мистер Хиггс зачёркивался. Не до конца — сыщик никогда не зачёркивает до конца, — но тонкой, вежливой линией.

Миссис Пембертон, видимо, пришла к тому же выводу сама. Она подошла к мистеру Хиггсу и сказала:

— Артур, простите меня, старую.

— Я бы на вашем месте тоже думал, — повторил он. — Но лейку, если найдётся, поцелуйте от меня.

✦ ✦ ✦

В одиннадцать миссис Пембертон налила чаю из термоса себе и мистеру Хиггсу. Они сидели рядом, он на скамейке, она на своём ведре, и смотрели, как пар поднимается к стеклянной крыше.

— Я ведь помню, как вы её купили, — сказал мистер Хиггс. — Я тогда принёс вам письмо из налоговой, а вы стояли у калитки с этой лейкой в руках и улыбались. Первый раз за всю весну. Я даже письмо отдавать не хотел, чтобы не портить.

— Отдали всё-таки, — сказала миссис Пембертон.

— Служба, — развёл руками мистер Хиггс.

Они помолчали. Я думал о том, что мистер Хиггс, при всей своей зависти, никогда не стал бы отнимать у неё эту улыбку. Он слишком хорошо помнит, сколько она стоила. Но сыщик не имеет права верить чувствам, даже если это чувства толстянки. Поэтому я держался за факты: за трость, за непрерывную ниточку капель и за треснувшую клетку крыши.

Про клетку надо объяснить подробнее. Она треснула ещё весной, когда с каштана упала тяжёлая ветка. Трещина тонкая, как волос, и снизу её почти не видно. Но в дождь сквозь неё сочится вода и падает в одно и то же место: в дальний угол, прямо на грядку Генерала. В понедельник ночью дождь шёл около часа. Я слышал, как он стучал по стеклу, и чувствовал, как в воздухе прибавилось сырости. Утром земля у моего подоконника была сухой, у гераней сухой, а в дальнем углу влажной. Ни одна лейка на свете не умеет поливать одну грядку и обходить остальные. А дождь сквозь трещину умеет.

✦ ✦ ✦

После обеда случилось происшествие, которое на минуту запутало всё дело.

Миссис Эшби писала помидоры мистера Хиггса — Генерала и его соседей. Вода в её банке из-под варенья была уже густо-вишнёвой: красная краска смывается с кисти неохотно и окрашивает всё вокруг. Рядом на рассадном столе стояли крошечные горшочки с рассадой, и миссис Эшби время от времени переставляла их, чтобы не загораживали свет.

В этот момент Пуговица проснулся.

Он вылез из торфа, потянулся, прыгнул на рассадный стол и, не обращая ни на кого внимания, пошёл прямо к банке — проверить, нельзя ли её столкнуть. Миссис Эшби вскрикнула и дёрнула рукой. Кисть, полная голубой краски для неба, взметнулась, и с неё хлынули голубые потёки — по столу, по краю, на кирпичный пол. *Кап. Кап-кап. Кап.*

— Брысь! — сказала миссис Эшби таким голосом, каким обычно говорят «караул».

Пуговица посмотрел на неё с достоинством и спрыгнул со стола, оставив на голубой лужице отпечаток лапы.

— Вот! — воскликнула миссис Эшби, указывая на пол. — Вот вам и капли! Он, наверное, и утром тут что-то разлил. Я уверена, это он утащил лейку. Он злодей.

Миссис Пембертон посмотрела на пол и задумалась. На кирпичах теперь действительно было много капель: голубые — от кисти миссис Эшби, непрерывная ниточка — от дырявой

лейки мистера Хиггса и ещё какие-то, давно высохшие, от которых остались лишь светлые кружки.

Вот тут, признаюсь, я заволновался. Улики смешивались. Если бы я был человеком, я бы, наверное, крикнул: «Ничего не трогайте!» Но я толстянка. Я только чуть повернул листья к свету.

Голубые капли легко было отличить. Во-первых, они голубые. Во-вторых, они высыхают с голубым ободком: акварель всегда оставляет след, даже когда вода уходит. Утренние же капли высохли бесследно — значит, это была чистая вода из-под крана, а не вода из банки художницы.

А кроме того, был ещё звук.

Миссис Эшби — человек хороший, но тихо ходить она не умеет. Её сабо стучат *клак*, *клак*, *клак*, даже когда она идёт на цыпочках. Я проверял: однажды она пыталась подкрасться к Барнаби, чтобы напугать его, и тот услышал её от самой двери. На рассвете во вторник никаких *клак* не было.

И ещё одна мелочь. Миссис Эшби сказала, что латунный носик портит синий цвет. Это правда — я однажды видел, как она набрала воду из Старого Медника, и небо на её картине вышло цвета болотной ряски. С тех пор она к лейке не подходит. Художники бывают суеверны насчёт своих красок сильнее, чем моряки насчёт погоды.

Что до Пуговицы — кот, который обходит лужицу под краном, не потащит лейку с водой через всю оранжерею. Да и форточка, через которую он ходит, слишком мала для Старого Медника. Я бы сказал, что Пуговица невиновен, если бы в природе существовали невиновные коты. Но в этом деле — невиновен.

✦ ✦ ✦

После этого миссис Эшби долго молчала, отмывая кисти. Потом, к моему удивлению, достала из сумки бумажный пакетик, развернула его и положила у ящика с торфом кусочек сардины.

— Это не извинение, — сказала она Пуговице. — Это перемирие.

Пуговица понюхал сардину, посмотрел на миссис Эшби, снова на сардину и съел её с видом кота, который прощает, но не забывает.

Миссис Пембертон тем временем подставила к задней стене табуретку и осмотрела форточку. Она была маленькая, едва шире самого Пуговицы, и открывалась всего на ладонь. Лейка с носиком и ручкой-дугой не пролезла бы в неё ни боком, ни стоймя.

— Нет, — сказала миссис Пембертон, слезая. — Через форточку только кот и сквозняк.

Агата на подоконнике согласилась насчёт сквозняка так горячо, что у неё затрепетал кончик листа.

✦ ✦ ✦

Ближе к вечеру над садом собралась туча, тяжёлая и лиловая, как сливовое варенье. В оранжерее потемнело. Миссис Эшби сказала, что при таком свете писать нельзя, сложила мольберт и предложила миссис Пембертон обыскать оранжерею вдвоём, «как следует, по квадратам, как полиция в кино».

Обыск по квадратам продолжался сорок минут. Миссис Эшби двигала горшки и называла каждый квадрат вслух:

«Квадрат первый, рассадный стол, лейки нет. Квадрат второй, мешки с землёй, лейки нет, есть паук». Миссис Пембертон заглядывала туда, куда миссис Эшби было не дотянуться, и вздыхала. Под рассадным столом нашлись: старая перчатка мистера Пембертона, которую миссис Пембертон тут же спрятала в карман фартука, две прищепки, мраморный шарик Барнаби и прошлогодний каштан. Лейки не нашлось.

Но кое-что нашёл я. Или, вернее, это кое-что само попалось мне на глаза, когда миссис Эшби отодвинула от задней двери ящик с вёдрами.

В щели между двумя кирпичами, у самого порога, лежало семечко. Одно. Крупное, продолговатое, в серую и чёрную полоску, как маленькая зебра. Таких семян в оранжерее не бывает. Герани размножаются черенками, помидоры мистер Хиггс сеет крошечными плоскими семенами, редис и укроп — это почти пыль. А такое полосатое, толстенькое семя может быть только у одного растения на свете.

Я хотел крикнуть. Конечно, я не крикнул, потому что не умею. Я изо всех сил повернул к порогу два листа, но миссис Эшби смотрела на паука, а миссис Пембертон — в квадрат номер семь.

Потом миссис Эшби взяла веник и одним движением вымела семечко за порог, вместе с песком и сухими листьями. Улика исчезла в саду, будто её и не было.

— Ну вот, хоть подмели, — сказала она удовлетворённо.

Я тогда ещё не понимал, как это семечко связано с лейкой. Но у меня появилось странное ощущение, будто кто-то в этой истории не прячет вещь, а растит её. Агата, когда я

поделился с ней, сказала, что это ощущение называется «тебя давно не поливали». Может быть. Но я его запомнил.

Вечером миссис Эшби показала миссис Пембертон свой набросок, сделанный в понедельник, в четыре часа дня. На нём была западная стена: кран, ведро — и на крючке Старый Медник, помятый бок и дуга ручки. Значит, в понедельник днём лейка была на месте.

— Я её просто так нарисовала, — сказала миссис Эшби. — Для композиции.

— Спасибо, Элинор, — сказала миссис Пембертон. — Теперь я хотя бы знаю, что она не ушла сама ещё в выходные.

Я тоже был ей благодарен. Набросок подтверждал то, что я и так знал: лейку взяли не днём и не вечером, а на рассвете во вторник.

✦ ✦ ✦

Чуть позже, когда миссис Пембертон ушла в дом за шалью, случилось ещё кое-что. Мистер Хиггс подошёл к мольберту и тихо, совсем не по-почтальонски, спросил:

— Ну что, Элинор, успеешь к завтрему?

— Если ты больше не будешь стоять у меня над душой, Артур, то успею, — ответила миссис Эшби так же тихо. — А твой?

— Мой давно готов. Висит на кусте и краснеет.

Они переглянулись, и оба быстро отошли друг от друга, когда в дверях снова появилась сиреневая шаль.

Признаюсь, на секунду у меня закружились все двести двенадцать листьев. Тайный сговор! Двое подозреваемых шепчутся за спиной у пострадавшей! Герани, которые всё

слышали, тут же решили, что мистер Хиггс и миссис Эшби вместе спрятали лейку и завтра потребуют за неё выкуп в виде пирога с ревенём.

Но я заставил себя подумать спокойно. «Успеешь к завтрему» — это про завтра. А завтра у миссис Пембертон день рождения. «Висит на кусте и краснеет» может висеть на кусте только одна вещь. Нет, у этих двоих был секрет, но совсем другой. Секрет с бантиком. К пропаже он не имел никакого отношения, и я вычеркнул его из дела, хотя запомнил на всякий случай. Хорошему сыщику полезно знать не только кто виноват, но и кто просто готовит сюрприз.

Глава III

Подсолнух на день рождения

✦

Вечером мистер Хиггс принёс свою дырявую жестяную лейку и поставил у крана.

— Пока ваша не найдётся, — сказал он. — Течёт, конечно. Но на подоконник хватит.

Миссис Пембертон полила из неё меня, и за ней через всю оранжерею протянулась ровная ниточка капель: капля, капля, капля. Я смотрел на эту ниточку и думал о совсем других каплях, утренних, которые видел на этом полу до восьми часов. О них — дальше.

✦ ✦ ✦

Вечером, когда все разошлись, в оранжерее стало тихо и синё. Солнце ушло за западную стену, и в стёклах крыши отражались первые звёзды. Пуговица ещё спал в торфе, иногда подёргивая ухом. Седрик успокоился и перестал ронять листья. Даже герани замолчали.

Я смотрел на пустой крючок. Он чуть поблёскивал в сумерках, там, где лейка за одиннадцать лет стёрла с него ржавчину. Без Старого Медника западная стена выглядела, как лицо без улыбки.

Я перебрал всё, что знал. Лейку брали по утрам почти неделю и возвращали мокрой. Сегодня не вернули. Мистер Хиггс ей завидует. Миссис Эшби её боится, по крайней мере ради своих красок. Пуговица ворует со стола всё, что плохо лежит. Барнаби исчез. Завтра у миссис Пембертон семидесятилетие. И где-то во всём этом прячется ответ, как прячется корешок под тяжёлым комом земли.

Агата сказала, что я слишком много думаю для растения. Я ответил, что думать — это единственное, что я могу делать

быстрее неё. Она обиделась и до утра поворачивалась ко мне колючим боком.

✦ ✦ ✦

Теперь — о том, что я наблюдал в шесть утра. Я берёг это на потом, потому что хотел сначала убедиться, что ничего не путаю.

В шесть утра, когда небо было ещё цвета очищенного персика, я услышал, как взвизгнул кран. Затем — долгое *и-и-и-орк*: кто-то поднял Старого Медника. Ни стука трости. Ни сабо. Шаги были совсем тихими — так тихо ступают маленькие ноги, когда очень стараются, чтобы их не услышали.

И ещё одно: эти шаги шли не ровно. Я не сразу это понял, потому что спросонья толстянки соображают медленнее обычного. Но ритм был такой: шорох, шорох, пауза. Шорох, шорох, пауза.

Затем скрипнула задняя дверь, та, что ведёт к сараю для рассады. И всё стихло.

То же самое — я теперь вспомнил это ясно — было и в четверг, и в пятницу, и в субботу, и в воскресенье, и в понедельник. Скрип крана, *и-и-и-орк*, тихие неровные шаги, задняя дверь. А минут через сорок — снова задняя дверь, шаги, и лейка мягко звякала, когда её вешали на крючок. Тогда я думал, что мне это снится. Растения тоже видят сны, просто очень медленные.

Но во вторник второго звяканья не было. Задняя дверь закрылась — и больше не открывалась. Старый Медник ушёл и не вернулся.

✦ ✦ ✦

Когда солнце поднялось достаточно высоко, чтобы осветить пол, я увидел на кирпичах капли воды — дорожку от крана к задней двери. Я пересчитал их, потому что считаю всё. Это было ещё до того, как пришла миссис Пембертон, до мистера Хиггса с его ниточкой и до голубых клякс миссис Эшби. Утренние капли лежали на чистом полу, одни, и я хорошо их разглядел.

Расстояния между ними были неравными. Две капли рядом, потом длинный промежуток. Две рядом, потом промежуток. Одиннадцать раз подряд, до самой задней двери.

Полная лейка не капает просто так. Она расплёскивается, когда её встряхивают. А встряхивают её, когда идут неровно: на каждом толчке из носика выплёскивается капля. Человек, который идёт ровным шагом, оставит ровную дорожку, а то и вовсе никакой. Человек с тростью оставит капли через

равные промежутки — на каждый тяжёлый шаг. А вот кто-то, кто делает два коротких толчка и один долгий полёт, — тот оставит две капли рядом и потом пустое место.

Прыг, прыг, СКОК.

Я знал только одно существо в округе, которое передвигается именно так. И оно сегодня не пришло.

✦ ✦ ✦

К полудню утренние капли высохли без следа. Если бы я их не пересчитал, никто бы и не узнал, что они были. Вот почему сыщику нельзя спать по утрам — даже если он денежное дерево и у него нет никаких дел до полудня.

Оставался вопрос: зачем? Барнаби мог в любой момент попросить лейку у миссис Пембертон, и она бы, конечно, дала. Зачем брать тайком, на рассвете, шесть дней подряд? И почему именно сегодня он её не вернул?

Сыщик без мотива — это растение с подозрением. А подозревать Барнаби мне совсем не хотелось. Он здоровается со мной за лист.

✦ ✦ ✦

Ответ на вопрос «зачем» стоял у меня перед глазами целую неделю. Точнее, не стоял — в этом-то и было дело.

На полке с семенами у задней двери пакетики выстроены в ряд, как книги в библиотеке: редис, укроп, бархатцы, настурция, душистый горошек. В прошлую среду в этом ряду появилась щель. Не хватало высокого жёлтого пакетика с подсолнухом. Я тогда отметил её про себя, но не понял, что она значит. Пакетики у нас иногда берут: миссис Пембертон

раздаёт семена соседям. А сыщик без второй улики — просто наблюдательное растение.

Пакетик пропал в среду. А лейку начали брать по утрам с четверга. На следующий день. Кто-то что-то посадил — и с тех пор поливал это каждый день на рассвете.

Наконец, есть календарь на северной стене, который я могу прочесть, когда свет падает удачно. Под средой этой недели почерком миссис Пембертон с завитушками было написано: *Мой день рождения!* 70! — и обведено два раза.

А в прошлый вторник, за день до того, как пропали семена, Барнаби стоял прямо перед этим календарём и очень небрежно спросил:

— Миссис Пи, а какой у вас любимый цветок?

Она рассмеялась и ответила:

— Подсолнухи, дорогой. Они всегда смотрят на свет.

Барнаби тогда сказал «ага» и ускакал, *прыг*, *прыг*, СКОК, и больше об этом не заговаривал. Слишком уж не заговаривал. Десятилетние мальчики, которые задали вопрос и забыли, обычно спрашивают ещё что-нибудь. А те, кто что-то задумал, вдруг замолкают и становятся очень заняты.

✦ ✦ ✦

Я сложил всё вместе так, как корни находят воду: медленно, но без малейших сомнений.

Мистер Хиггс не смог бы нести полную лейку без стука трости, а на рассвете трости не было. Влажная земля у Генерала — от дождя через треснувшую клетку крыши, а не от чужой лейки.

Сабо миссис Эшби не умеют ступать тихо, даже если очень постараются; к латунному носику она не прикоснётся из-за своего синего; а её голубые капли оставляют голубые ободки, которых на утренней дорожке не было. И её набросок показывает: в понедельник днём лейка висела на месте.

Пуговица ненавидит воду и не пролезет в форточку с лейкой.

А вот два прыжка и скок разливают воду ровно по одному рисунку: две капли рядом, потом длинный промежуток. Дорожка вела к задней двери — к сараю для рассады, за которым живёт Барнаби. Семена подсолнуха пропали за день до первого утреннего полива. Любимый цветок миссис Пембертон — подсолнух. А завтра — её семидесятилетие.

Барнаби одолжил Старого Медника, чтобы поливать тайну. Тайну, которая должна была вырасти ровно к среде.

Оставалось понять, почему сегодня лейка не вернулась. Но на этот вопрос у меня не было улик, а придумывать я не люблю. Сыщик, который придумывает, — уже не сыщик, а сочинитель.

✦ ✦ ✦

Ночью мне не спалось. Это бывает с толстянками редко: обычно мы спим крепко и честно, как камни. Но в ту ночь я всё думал о лейке, которая не вернулась, и о мальчике, которого не было дома.

Я не знал, почему Старый Медник остался там, куда его унесли. Может быть, Барнаби заболел. Может быть, уехал и забыл. Может быть, случилось что-то, о чём толстянке с подоконника не догадаться. Но я знал другое. Шесть утр подряд кто-то брал лейку бережно, наполнял её у крана и уносил к сараю. Пять раз из шести он возвращал её на место, мокрую, но целую, и вешал на крючок так тихо, что звякала она едва-едва. Так обращается с чужой вещью не вор. Так обращается с чужой вещью тот, кто её любит и боится, что его поймают раньше времени.

Около полуночи луна поднялась над каштаном и легла на пол оранжереи белым квадратом. В этом квадрате был виден

пустой крючок, и тень от него была длинная и тонкая, похожая на вопросительный знак. Агата спала. Седрик видел во сне что-то тревожное и тихо шелестел. А я разговаривал с крючком. Я обещал ему, что Старый Медник вернётся. Это было не очень по-сыщицки, потому что обещание — это тоже немного придумывание. Но иногда, если улики сложились правильно, сыщик может позволить себе одно маленькое обещание.

Рассказать обо всём этом я, конечно, никому не мог. Толстянки — превосходные слушатели и никудышные рассказчики. Поэтому я ждал. Ждать — мой особый талант.

✦ ✦ ✦

Под утро снова пошёл дождь, мелкий и тёплый. Он постучал по крыше, нашёл свою трещину над дальним углом и ещё раз полил Генерала, будто подтверждая мои рассуждения. Я был ему благодарен. Не каждый день сама погода выступает свидетелем.

В шесть часов кран не взвизгнул. Задняя дверь не скрипнула. Лейки не было, чтобы её поднять. Я поймал себя на том, что жду знакомого *и-и-и-орк*, как ждут шагов человека, который должен прийти.

В среду утром миссис Пембертон пришла раньше обычного, в половине восьмого, в новой сиреневой кофте. Она старалась делать вид, что это самый обычный день, но три раза поправила волосы перед стеклом задней двери.

В восемь пришли мистер Хиггс и миссис Эшби — вместе, что уже было подозрительно. У мистера Хиггса под мышкой был свёрток, у миссис Эшби — плоская папка, перевязанная лентой.

А в четверть девятого задняя дверь со скрипом открылась, и вошёл Барнаби — *прыг, прыг, СКОК* — со Старым Медником в одной руке и щербатым терракотовым горшком в другой. В горшке стоял росток подсолнуха: сантиметров шесть ростом, два листика в ширину, и сиял он совершенно неудержимо.

— С днём рождения, миссис Пи! — закричал Барнаби. — Я целую неделю растил его за сараем. Посадил в прошлую среду, чтобы он успел взойти. Лейку брал только потому, что шланг туда не достаёт. Я каждое утро её возвращал, честное слово! Только вчера мама с утра пораньше повезла меня к зубному, и я не успел. Спрятал её за сараем под мешковиной, чтобы никто не нашёл и не испортил сюрприз. Простите, что не спросил.

Миссис Пембертон смеялась так, что ей снова пришлось сесть на ведро, но на этот раз это было хорошее сидение.

— Ах ты, разбойник, — сказала она, вытирая глаза. — Я уж думала, что схожу с ума. Каждое утро мокрая лейка!

— Я старался вешать её сухой, — признался Барнаби. — Но она внутри не просыхает.

Мистер Хиггс крякнул.

— А Генерала моего, выходит, тоже ты поливал? — спросил он.

— Нет, — удивился Барнаби. — Я к вашим помидорам не подхожу. Вы же говорили, что они кусаются.

Мистер Хиггс посмотрел на крышу, на треснувшую клетку над дальним углом, и почесал затылок. Кажется, он наконец понял. Я был доволен: хорошее расследование не оставляет ни одной неотвеченной капли.

✦ ✦ ✦

Потом были подарки. Мистер Хиггс развернул свёрток — в нём лежал Генерал собственной персоной, самый большой и самый красный помидор в оранжерее.

— Он бы сам хотел, — сказал мистер Хиггс.

Миссис Эшби развязала ленту на папке. Внутри была акварель: наша оранжерея, западная стена, кран и Старый Медник на крючке, помятый бок и дуга ручки. А на восточном подоконнике, в углу картины, — я. Все двести двенадцать листьев, хотя, по-моему, она немного польстила моему стволу.

— Вода из-под крана, — сказала миссис Эшби. — Не из лейки. Поэтому синий получился синим.

Пуговица пришёл через форточку, понюхал подсолнух, решил, что он несъедобен, и ушёл спать в торф. Для кота это высшая степень одобрения.

Миссис Пембертон поставила горшок с ростком на подоконник рядом со мной — так, чтобы утреннее солнце доставалось нам обоим. Подсолнух тут же повернул к свету оба своих листика. Он ещё ничего не знает о жизни, но главное уже понял.

А потом Барнаби повернулся к подоконнику, поднял Старого Медника с долгим *и-и-и-орк* и дал мне маленький, бережный глоток.

— Ты выглядишь так, будто хочешь пить, Джаспер, — сказал он.

Я не хотел. Но принял. Сыщику всегда следует быть великодушным, когда дело закрыто хорошо.

✦ ✦ ✦

В половине девятого, когда все подарки были вручены, а чай из термоса кончился, в оранжерею заглянула мама Барнаби, миссис Уоррен. Она была в плаще поверх домашнего платья и держала в руках блюдо с пирогом, накрытое полотенцем.

— Я вас всех ищу с утра, — сказала она и рассмеялась, увидев сына с горшком. — А, он уже признался. Маргарет, простите нас за вчерашнее. У него с воскресенья болел зуб, а он молчал, потому что, видите ли, у него были дела. Ночью разревелся, а в шесть, пока я собиралась, ещё успел куда-то убежать в сад. В семь я посадила его в машину и повезла в город. Вернулись только к ночи, он уснул в машине. А сегодня в пять утра уже стоял одетый у двери и говорил, что опоздает.

— На что опоздаешь? — спросила миссис Пембертон.

— На ваш день рождения, — сказал Барнаби. — Подсолнух же надо было ещё полить. Последний раз.

Миссис Пембертон ничего не ответила. Она просто обняла его вместе с горшком, лейкой и всеми его делами. А миссис Уоррен поставила пирог на рассадный стол, рядом с Генералом, и Пуговица, разумеется, тут же проснулся.

Пирог был с ревенём. Герани были потрясены: в кои-то веки их слух подтвердился хотя бы наполовину.

✦ ✦ ✦

С того дня прошло всё лето.

Подсолнух рос так, как растут только подсолнухи и десятилетние мальчики: на глазах и без всякого стеснения. К июлю он перерос меня. К августу — миссис Пембертон. А в начале сентября упёрся макушкой в стеклянную крышу, и мистеру Хиггсу пришлось открыть для него верхнюю раму. Теперь его жёлтая голова смотрит на сад поверх оранжереи, и почтальон, который пришёл на смену мистеру Хиггсу, каждое утро ему кланяется. Мне кажется, подсолнух отвечает.

Барнаби получил от миссис Пембертон собственную лейку, маленькую, зелёную, с его именем на боку, которое миссис Эшби вывела белой краской. Он поливает из неё подсолнух, помидоры (теперь, когда выяснилось, что они не кусаются) и меня, хотя я много раз давал понять, что толстянкам столько не нужно. Прыгать он не перестал. Две капли рядом, длинный промежуток — его дорожку я теперь узнаю на кирпичах в любую погоду и каждый раз радуюсь ей, как подписи старого друга.

Мистер Хиггс наконец запаял свою жестяную лейку. Шесть лет собирался, а запаял за один вечер: сказал, что после этой истории ему стыдно оставлять за собой улики. Миссис Эшби повесила свою акварель с оранжереей в гостиной у миссис Пембертон, над камином, и злится, когда кто-нибудь называет её подарком. «Это не подарок, — говорит она. — Это документ».

Пуговица по-прежнему спит в торфе и ворует со стола всё, что плохо лежит. Сардины он теперь получает от миссис Эшби каждую пятницу. Перемирие оказалось прочнее многих мирных договоров.

А Старый Медник висит на своём крючке у крана, помятый, латунный и полный достоинства. Каждое утро в восемь миссис Пембертон снимает его, и он говорит своё долгое *и-и-и-орк*. Я слушаю этот звук и думаю, что самые лучшие тайны — те, в конце которых кто-нибудь улыбается.

Агата до сих пор уверена, что лейка всё это время лежала в сарае. Я её не переубеждаю. Сыщик должен знать, когда дело закрыто.

Разгадка

✦

Барнаби на рассвете брал Старого Медника, чтобы поливать росток подсолнуха, который он тайно растил за сараем для рассады в подарок миссис Пембертон на семидесятилетие. Пять утр подряд, с четверга по понедельник, он возвращал лейку до восьми, а во вторник не успел: в шесть он ещё полил росток, а в семь мама повезла его в город к зубному, и лейка до среды осталась спрятанной за сараем под мешковиной.

Пять честных улик

1. Мокрая лейка. С пятницы миссис Пембертон каждое утро находит лейку мокрой внутри, хотя вешала её сухой: кто-то брал её до восьми и возвращал. Во вторник Джаспер не слышит обратного звяканья — лейку не вернули.

2. Шаги в шесть утра. Джаспер слышит кран и скрип лейки, но не слышит ни трости (значит, не мистер Хиггс), ни сабо (значит, не миссис Эшби) — только тихие, маленькие, неровные шаги: шорох, шорох, пауза.

3. Скачущие капли. Утренняя дорожка от крана к задней двери идёт по рисунку «две рядом — длинный промежуток», точно как «прыг, прыг, СКОК» Барнаби, и ведёт к сараю и его дому. У дырявой лейки мистера Хиггса дорожка ровная, как бусы, а голубые капли миссис Эшби оставляют голубые ободки.

4. Пакетик подсолнуха и календарь. Семена подсолнуха исчезли с полки в среду, а утренние поливы начались в четверг; в календаре день рождения миссис Пембертон отмечен в среду этой недели; а Джаспер слышал, как Барнаби спрашивал её любимый цветок («Подсолнухи»).

5. Мелочи недели. Всю неделю Барнаби приходит сонный, с землёй на коленках, спрашивает, как поливать то, что только что взошло, и шепчет лейке «ещё два дня, потерпи». А у задней двери во время обыска находится полосатое семечко подсолнуха.

Ложные следы

Влажная земля у помидоров мистера Хиггса — от ночного дождя через треснувшее стекло крыши. Голубые капли на полу — от кисти миссис Эшби, когда её напугал кот. Пуговица ненавидит воду и не пролезет в форточку с лейкой, а набросок миссис Эшби показывает, что в понедельник днём лейка ещё висела на месте. Шёпот мистера Хиггса и миссис Эшби — это не сговор, а подготовка их собственных подарков ко дню рождения.